ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРЫ

НА

ЗЛАТИЦКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ

ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877—1878 ГОДОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

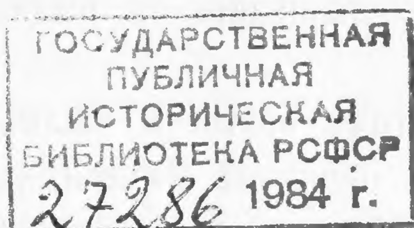
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".

1887.

Екатерининскій кан., д. № 78.
2805.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го сентября 1887 года.

ЛЕЙБЪ-ГРЕНАДЕРЫ

НА

ЗЛАТИЦКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ

ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ

1877 — 78 годовъ.

I.

У Балканъ.

Почти весь, такъ называемый, «Балканскій полуостровъ» принадлежитъ турецкому султану и носитъ названіе «Европейская Турція», въ отличіе отъ турецкихъ земель въ Азіи и Африкѣ.

Полуостровъ этотъ растянулся по ту сторону широкой и многоводной рѣки «Дунай» и населенъ народами двухъ вѣроисповѣданій: христіанскаго и магометанскаго; послѣдніе и есть турки, а первые—славяне.

Славяне, будучи подданными турецкаго султана, съиздавна должны были переносить всѣ ужасы мусульманскаго ига. Ихъ заставляли дѣлать непосильные работы, били, мучили, не давали спокойно молиться, принуждая, подъ угрозами смерти, принять вѣру и уче-

нія мусульманства. Буйства турокъ надъ беззащитными христіанами не знали предѣла. Трудно было встрѣтить семью, гдѣ не слышались бы рыданія и мольбы о помощи...

Эти рыданія нашихъ братьевъ были услышаны...

И вотъ, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, въ 1877 году, повелѣлъ своему побѣдоносному войску идти на Турцію войною.

Двинулась армія. Двинулась и Императорская гвардія.

Послѣ долгихъ трудовъ, лишеній и гибели многихъ честныхъ и храбрыхъ сыновъ нашей матушки-Россіи, былъ перейденъ Дунай; и вся та часть Турціи, которая легла между Дунаемъ и Балканскими горами, — была ужь въ нашихъ рукахъ...

Турки, не щадя своей жизни, храбро защищались въ своихъ, обнесенныхъ земляными укрѣпленіями, городахъ и деревняхъ. Но Русское войско шло все впередъ и впередъ, штыками своими заставляя врага сдаваться, или отступать къ Балканамъ. Турки предпочли послѣднее. Весь путь ихъ отступленія былъ покрытъ слѣдами ихъ звѣрствъ. Вездѣ виднѣлись пылающія деревни, христіанское населеніе которыхъ уводилось въ плѣнъ, или же подвергалось страшнымъ пыткамъ и истязаніямъ; не было пощады даже младенцамъ, или безпомощнымъ старикамъ; ихъ тоже мучили, убивали, или жгли.

Отступившіе турки крѣпко засѣли на Балканскихъ горахъ, гдѣ ожидала ихъ помощь въ лицѣ Сулеймана-паши и его арміи, только-что прибывшихъ изъ Азіятской Турціи. То были лучшія турецкія силы. То была гвардія султана, или низамъ. Сулейманъ-паша укрѣ-

пился на Златицкихъ Балканахъ, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Этрополя.

Этрополь расположенъ въ равнинѣ, у подножія Балканъ, и до 12-го ноября все еще былъ въ рукахъ турокъ. Но вотъ, къ городу подошли, 12-го, войска славнаго, боеваго генерала Гурко,—и онъ сдался.

Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, подъ командой флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, входилъ въ составъ войскъ, командуемыхъ генераломъ Гурко, и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ славнаго для Гренадеръ дня подъ Горнымъ Дубнякомъ, — вступалъ въ городъ Этрополь.

Съ прибытіемъ нашимъ, городъ зажилъ новою, дѣятельною жизнью. Улицы, дотолѣ пустыя, наполнились двигающимися отрядами, вновь прибывающими партіями. Вездѣ слышался шумъ и скрипъ возовъ и арбъ. Всюду слышалась русская рѣчь. То—тамъ, то—сямъ виднѣлись радостныя лица болгаръ, или, какъ ихъ стали называть русскіе,—«братушекъ».

Во всѣхъ домахъ, гдѣ пріютились наши солдатики, шла горячая работа. Поправлялась старая, дырявая одежда, обувь, готовилась пища.

Такъ незамѣтно прошли четыре дня.

16-го, поздно вечеромъ, получено приказаніе для общаго перехода черезъ Балканы...

Радостно и весело встрѣтили это извѣстіе наши отряды. Надоѣло быть въ бездѣйствіи и захотѣлось помѣриться силами съ двумя врагами: съ турками, да и съ горами.

И гордо посматривалъ каждый солдатикъ на эти скалистыя громады. Чувствовалъ онъ, что выбьетъ съ

этихъ вершинъ засѣвшаго и невидимаго турка, выбьетъ и взберется туда, куда, кажется, и птицѣ-то не охота взлетѣть. Глядя на эти вершины, забывалъ онъ, на время, дождь, смѣшанный со снѣгомъ, и холодъ, благодаря которымъ приходилось дрожать и ёжиться. Забывалъ и думалъ: «удивительно будетъ!»

А горы, величественныя горы далеко раскинулись по турецкой землѣ и тянутся по ней верстъ на 280, то—поднимаясь надъ низменными мѣстами почти на $1\frac{1}{2}$ версты, то—опускаясь громадными порогами земляной лѣстницы. Горы покрыты скалами и каменистыми утесами; въ иныхъ мѣстахъ положе, но это не надолго и пологость вдругъ оканчивается зіяющей, черной бездной, на которую страшно смотрѣть даже издали. Кое-гдѣ чернѣютъ дубовые лѣса; но ихъ немного. Иногда пробивается между скалами горный ручей и шумитъ, ниспадая съ камня на камень. Иногда, тутъ, возлѣ ручья, вьется по крутому берегу узкая тропа, по которой и одинокій человѣкъ долженъ идти осторожно озираясь, чтобы не поскользнуться и не слетѣть съ кручи... Куда ни взглянешь, нигдѣ не видно зеленой травы и растеній, такъ весело ростущихъ въ нашей матушкѣ-Россіи. Все голо, печально; одинъ сѣро-зеленый мохъ пестрѣетъ, да изрѣдка покажется горная травка... Плохо здѣсь лошадямъ, привыкшимъ къ сочному подножному корму; отощаютъ всѣ.

Еще печальнѣе, страшнѣе выглядятъ горы позднею осенью. Тогда по нимъ нѣтъ прохода. Отъ ежедневныхъ дождей всѣ тропы, всѣ перевалы покрылись скользкой землею.

Дни, какъ и прежде, стоятъ пасмурные, холодные. Нѣтъ конца сильному дождю и вѣтру. 15-го, утромъ пошелъ первый снѣгъ. Изъ-за тяжелыхъ тучъ не видать солнца; рѣдко выглянетъ оно и освѣтитъ собою верхушки горъ, скалъ и утесовъ.

Пока въ Балканахъ все тихо. Нѣтъ никакого шума. Нѣтъ никакой жизни. Но завтра двинутся сюда русскіе, и горы, дотолѣ спокойныя и тихія, огласятся ружейными выстрѣлами и покроются пороховымъ дымомъ.

II.

Взятіе Златицкаго перевала.

Для общаго перехода черезъ Балканскія горы, генералъ Гурко раздѣлилъ свои войска на отряды:

Каждому отряду дано особое порученіе.

Лейбъ-гвардіи Гренадерскому полку приказано занять «Златицкій перевалъ» и укрѣпиться на немъ. Двигаться правымъ берегомъ горнаго ручья «Малый Искеръ».

«Малый Искеръ» беретъ свое начало близь Златицкаго перевала и шумно несетъ свои воды по горамъ. Течетъ верстъ 12, встрѣчаетъ на своемъ пути городъ Этрополь и вскорѣ теряется на ровной мѣстности.

Горная рѣчка эта протекаетъ въ ущельѣ, которое носитъ названіе «Искерское».

Обрывисты и страшны эти стѣны ущелья. Высокія и черныя, онѣ поднимаются надъ поверхностью воды и, какъ бы защищаютъ ее отъ человѣческаго присутствія...

Глядя на эти скалы, не подумаешь, что по нимъ можетъ пройти человѣкъ. И, только вглядѣвшись, можно замѣтить, что на правомъ, обрывистомъ берегу, вьется, какъ бы врубленная въ гору, узкая тропинка. По ней едва пройдутъ двое и то съ немалою опасностью сорваться съ кручи. Тропа эта идетъ отъ города Этрополя, черезъ Златицкій перевалъ, къ городу Златицѣ, находящемуся по ту сторону Балканъ.

Вотъ, этою-то дорогой, 17-го ноября, раннимъ утромъ, почти ночью, тихо подвигался отрядъ (2-й баталіонъ 14-я и 15-я роты и сотня казаковъ), подъ командой л.-гв. Гренадерскаго полка капитана Засулича. Капитану Засуличу приказано занять, во что бы то ни стало, Златицкій перевалъ и укрѣпиться тамъ въ ожиданіи главныхъ силъ.

Не легко людямъ двигаться по этой узкой и скользкой тропинкѣ. Сильный морозъ заледенилъ грязь, а шедшій эти два дня, снѣгъ легъ довольно густымъ слоемъ. Снѣгъ и теперь идетъ и, гонимый порывами вѣтра, такъ и рѣжетъ лицо.

Отрядъ растянулся далеко и едва движется. Идутъ по одиночкѣ, скользя и падая на каждомъ шагу. Кто верхомъ, тотъ давно уже слѣзъ и ведетъ своего коня въ поводу. Каждый старается держаться лѣвѣе, ближе, вплотную къ этой громадной, черной стѣнѣ. Направо жутко даже взглянуть. Въ двухъ шагахъ отъ васъ чернѣетъ пропасть, а тамъ, внизу, клокочетъ Искеръ; малѣйшая неосторожность — и воды его навсегда похоронятъ сорвавшагося и только крикъ дастъ знать товарищамъ, что ихъ стало однимъ меньше...

И вотъ, подвигаются, карабкаются, выбиваются изъ

силъ; помогаютъ другъ другу. Потъ льется градомъ. Но никто не хочетъ высказать, что тяжело идти, что работа пришлась непосильная, да и непривычная... Хорошо еще, что турокъ нѣтъ, что они не мѣшаютъ своими назойливыми пулями.

И всякій свято понимаетъ, что опускаться духомъ нельзя. И идутъ молодцами. Иной разъ шутятъ, смѣются, подбадриваютъ себя, подбадриваютъ товарищей.

— Что, Өедотычъ, раскисъ? Али не весело идти?— говоритъ старый солдатъ молодому.

— Да, вотъ, ноги... больно натеръ! — жалуется тотъ.

— Ничего, братецъ, иди веселѣе; какъ турки отъ насъ побѣгутъ, такъ всякая боль и уймется! — успокаиваетъ старшій.

А снѣгъ, по прежнему, бьетъ въ лицо, глаза, уши. Въ воздухѣ все также рѣзко, холодно. Но, отъ ходьбы и ýстали, не замѣчаешь этого. А какъ не устать? Выступили въ 4 часа утра, а теперь десятый. Конца же дороги все нѣтъ. Напротивъ того, она стала утомительнѣе и круче, хотя стѣна съ лѣвой стороны уменьшилась и пошла положе и чаще стали попадаться отдѣльныя деревца. Эти деревья много помогали; у каждаго изъ нихъ приходилось перевести духъ, пріостановиться, такъ какъ всѣ начали окончательно выбиваться изъ силъ, а лѣзть надо все впередъ и впередъ. Лѣзть по колѣни въ снѣгу, не зная куда ступить и боясь поскользнуться... Такъ пробились еще полчаса... Дорога пошла шире и безопаснѣе. Вотъ, и лѣсокъ показался, въ которомъ отряду назначенъ привалъ. Лѣсокъ этотъ пріютился по обѣ стороны Искерскаго

ущелья и отлично скрывалъ наше движеніе отъ турокъ. Недалеко отъ опушки, внутри лѣса, легла довольно обширная поляна; на ней одиноко чернѣлось какое-то полуразрушенное деревянное зданіе (блокгаузъ). Отсюда, въ верстахъ двухъ, былъ ясно виденъ перевалъ, сжатый съ правой и лѣвой стороны снѣжными вершинами и занятый турецкими укрѣпленіями. До нихъ лѣсъ не доходилъ всего на 500, 600 шаговъ.

Съ перевала показались дымки.

Первыя турецкія пули высоко и жалобно просвистѣли надъ нашими головами... Видно, турки замѣтили стягиваніе колонны на полянѣ... Всѣ люди, какъ одинъ, сняли шапки и перекрестились. Пули полетѣли чаще и чаще, но, или ударялись о деревья, или пролетали надъ ними, никому не причиняя вреда.

Съ поляны предполагалось начать наступленіе и потому надо было оправиться, чуть вздохнуть. И вотъ, всѣ спѣшатъ присѣсть, или прилечь. Здѣсь уже не до шутокъ и разговоровъ. Все тѣло измучилось, наболѣло и требовало покоя. Вскорѣ на полянѣ воцарилась полная тишина.

Не отдыхали лишь тѣ, кто находился въ деревянномъ домикѣ. Тамъ были собраны капитаномъ Засуличемъ всѣ офицеры отряда, въ томъ числѣ два офицера роты 12-го Великолуцкаго пѣхотнаго полка, прибывшей на поляну ранѣе нашего отряда.

О непріятелѣ получены извѣстія, что его позиціи неприступны. Что дѣлать? Останавливаться передъ этимъ вопросомъ нельзя. Поэтому, капитанъ Засуличъ повторилъ свое приказаніе, взять, во что бы то ни стало, Златицкій перевалъ.

Для чего раздѣлить отрядъ на три колонны: *правую, среднюю* и *лѣвую*. Въ резервѣ оставить 8-ю роту, подъ командою подпоручика Зубковскаго. *Средней* колоннѣ, при движеніи, отставать отъ *правой* и *лѣвой* шаговъ на 700. *Правая* и *лѣвая* колонны предназначаются для обхода непріятельскихъ позицій, а *средняя* — для удара, прямо по Искерскому ущелью, въ самую середину турокъ.

Ровно въ 12 часовъ раздались сигналы къ выступленію. Быстро построились. *Правая* колонна (5-я и 16-я роты, подъ общей командою подпоручика Путилова 1-го), а также и *лѣвая* (14-я рота и 3-я рота 12-го Великолуцкаго пѣхотнаго полка, подъ командою того же полка поручика Рудковскаго) тотчасъ двинулись одна—вправо, другая—влѣво отъ направленія съ поляны къ перевалу и поспѣшно начали карабкаться на горы отъ дерева до дерева. Правой пришлось перебраться и черезъ Малый Искеръ; въ этомъ мѣстѣ онъ беретъ свое начало. Двинулась и *средняя* колонна (6-я и 7-я роты, подъ командою поручика Савостина).

Турки замѣтили наше движеніе и усилили огонь. Стрѣлять имъ пришлось съ перевала, сверху внизъ, по лѣсу. Пули не переставая били по буковымъ и дубовымъ стволамъ и удары эти поднимали въ лѣсу страшный трескъ и шумъ, на много верстъ несшійся по горамъ и ущельямъ и дававшій знать о начатомъ наступленіи.

«Ну, братцы, испугался нашъ турка; ишь, бьетъ-то зря!»—слышалось въ рядахъ, и отрядъ смѣло и бодро подвигался впередъ, не обращая вниманія на этотъ трескъ и горя нетерпѣніемъ поскорѣе выбраться изъ

лѣса. А лѣсъ сослужилъ намъ великую службу; онъ спасалъ отъ назойливыхъ турецкихъ пуль и помогалъ людямъ взбираться на горы, на уступы, съ которыми бороться тяжелѣе, чѣмъ съ непріятелемъ въ открытомъ бою...

Наконецъ, раздались первые выстрѣлы и съ нашей стороны...

То былъ огонь цѣпей правой и лѣвой колоннъ (людьми этихъ передовыхъ цѣпей командовали подпоручики: Язвинъ и Тульничеевъ). Колонны эти, почти одновременно, зашли непріятелю съ фланговъ, почти съ тыла, взобравшись на тѣ голыя вершины горъ, которыя были видны съ поляны... Турки не ожидали этого... Пули наши били непріятеля съ двухъ сторонъ. Въ то же самое время открыла огонь и цѣпь средней колонны, показавшейся на опушкѣ лѣса.

Непріятель очутился подъ сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ, неся громадный уронъ убитыми и ранеными...

Былъ четвертый часъ дня, когда непріятель не выдержалъ и быстро, безпорядочно началъ отступать.

Ружейная перестрѣлка заглушилась потрясающимъ крикомъ «ура», съ которымъ ворвались наши въ турецкіе рвы и ложементы и которое всѣмъ возвѣстило, что Златицкій перевалъ—нашъ.

Вдали, за переваломъ и всторону отъ него, въ трехъ, четырехъ мѣстахъ виднѣлись верхушки укрѣпленныхъ горъ, на которыхъ засѣла одна часть отступившихъ и откуда тотчасъ же открыла огонь по перевалу. Атаковать эти неприступныя горы съ нашими малыми, изнуренными силами, было невозможно. По-

этому, капитанъ Засуличъ ограничился преслѣдованіемъ тѣхъ изъ отступавшихъ турокъ, которые бѣжали по правой сторонѣ Искерскаго ущелья. За ними посланы были казаки и три роты пѣхоты, которые и гнали турокъ до тѣхъ поръ, пока они начали спускаться по ту сторону Балканскихъ горъ.

Между тѣмъ, на перевалѣ уже началась работа. Думать было нечего. Скорѣе надо было окапываться и укрѣпляться; рыть новые ложементы и передѣлывать турецкіе. Люди передовыхъ линій продолжали перестрѣлку съ турками, глубоко горюя, что нельзя было послать непріятелю гостинца, въ видѣ одной-другой гранатки (орудій съ нами не было). Остальные люди 2-го баталіона, не обращая вниманія на турецкую трескотню и сравнивая ее съ заведенной шарманкой, торопливо продолжали свою земляную работу. Работа же все не поддается; грунтъ каменистый, твердый. Лопата ломается. А тутъ еще пошелъ холодный дождь, и вода, мѣшая работѣ, наполняетъ рвы и ложементы. Но всѣ понимаютъ, что надо скорѣе укрѣпиться, что только подъ этими прикрытіями можно дать туркамъ надлежащій отпоръ. И всѣ работаютъ безъ устали, безсмѣнно. И будто Самъ Господь наказывалъ тѣхъ, кто не во время вздумалъ отдыхать. Вотъ, одинъ солдатикъ вылѣзъ изъ траншеи и собрался закурить трубочку, да такъ и повалился съ трубкою въ зубахъ; непріятельская пуля попала прямо въ голову.

Въ седьмомъ часу вечера того же дня прибыли на перевалъ остальныя части полка и поспѣшили смѣнить измученныхъ людей 2-го баталіона.

Къ ночи перестрѣлка уменьшилась. Разставлены

были сторожевыя части. Отрядъ началъ располагаться на отдыхъ.

Въ разныхъ мѣстахъ, съ трудомъ, разводили костры, около которыхъ грѣлись офицеры и солдаты; тутъ же укладывались спать, другъ около друга, и скоро засыпали...

Ночь опустилась холодная, темная. Мѣсяца не было; да ему и не свѣтить сквозь черныя дождевыя чучи. Не видно и въ двухъ шагахъ. Скоро на перевалѣ затихло все. Лишь иногда прозвучитъ выстрѣлъ и свистнетъ пуля; да изрѣдка раздается стонъ раненаго этою случайною пулей...

И такъ, благодаря быстрому переходу, благодаря неожиданному появленію Русскихъ на Балканахъ, Турки уступили Златицкій перевалъ, не причинивъ своею безпорядочною стрѣльбою почти никакого вреда. Всѣ радовались такой удачной побѣдѣ; но никто тогда и не предполагалъ, что придется здѣсь, на этихъ дикихъ горахъ, подъ постояннымъ огнемъ турокъ, вдали отъ всего свѣта, полуживымъ отъ холода, голода и снѣга, провести 35 дней. Никому и въ голову не приходила мысль, что именно здѣсь каждаго ожидаетъ другая, еще болѣе страшная борьба—борьба человѣка съ природой, и, чтобы остаться побѣдителемъ въ ней, отъ каждаго потребуются громадныя, нечеловѣческія усилія.

III.

На перевалѣ.

«Станьте тамъ твердою ногою и держите надъ турками поднятый кулакъ, готовый каждую минуту на нихъ обрушиться. До особаго приказанія по ту сторону горъ не ходить»,—говорилъ, при взятіи перевала, командиру Гренадерскаго полка, флигель-адъютанту полковнику Любовицкому, генералъ Гурко.

И стали...

Весь перевалъ и всѣ снѣжныя вершины горъ, или, какъ ихъ называли солдаты, «сахарныя головы»—заняты нами, нашими позиціями, которыя растянулись по Балканамъ верстъ на пять. Вездѣ, не смотря на огромный трудъ, выкопаны траншеи, ложементы, редуты, безъ которыхъ не было бы мѣста безопаснаго отъ турецкихъ пуль и гранатъ.

По ту сторону горъ легли поля и луга турецкой земли Румеліи (Ѳракіи), теперь сплошь занесенныя снѣгомъ. Въ этой странѣ и столица Турціи—Константинополь; но до нея еще далеко.

Въ верстахъ трехъ впереди и нѣсколько лѣвѣе перевала, раскинулся городъ Златица (укрѣпленный турецкій лагерь), а у самаго подножія горъ — деревня Клиссакіой и значительно правѣе ея дер. Челопечени.

Турки неоднократно пытались отбить отъ насъ перевалъ и, съ этою цѣлью, чуть не ежедневно производили атаки и обходныя движенія, но всегда одинаково для себя неудачно и съ большими потерями.

Съ высотъ отлично было видно, какъ турецкая артиллерія, тутъ же у насъ на виду, безнаказанно выѣзжала и, съ любаго мѣста, стрѣляла по перевалу.

— Эхъ, скорѣе бы наши матушки-пушки пріѣхали!...—поговаривали въ нашемъ отрядѣ.

Орудій еще съ нами не было. Лишь 21-го, ночью, командиръ 5-й роты, подпоручикъ Путиловъ 1-й, получилъ приказаніе, съ своею ротою втащить на перевалъ два горныхъ орудія. Пятая рота стала спускаться по той же тропѣ, по которой 17-го взобралась на перевалъ.

Съ трудомъ спустились къ полянѣ, гдѣ ожидали найти эти орудія.

Здѣсь, въ деревянномъ домикѣ (блокгаузѣ), помѣщался съ своимъ штабомъ генералъ Курнаковъ, только что принявшій общее командованіе надъ частями, входящими въ составъ нашего отряда *).

Генералъ Курнаковъ сказалъ подпоручику Путилову, что орудія находятся у Этрополя и что ихъ необходимо, не медля ни минуты, втащить на горы.

Только на другой день, днемъ, добралась 5-я рота съ подножія горъ, до орудій.

Тащить орудія на лафетахъ было нельзя, поэтому артиллеристы сняли пушки съ колесъ, навьючили лошадей снарядами и зарядами и двинулись въ горы, предоставивъ остальное пѣхотѣ.

Подпоручикъ Путиловъ велѣлъ тотчасъ вырубить

---

*) Л.-гв. Гренадерскій полкъ. Пять ротъ 10-го пѣх. Ингерманландскаго полка; одна рота 12-го пѣх. Великолуцкаго полка и пять сотень казаковъ.

жердины. Жердины вдѣли внутрь орудій и къ нимъ, сбоку, прикрѣпили еще и другія, устроивъ такимъ образомъ родъ переплета.

Тогда подняли и двинулись въ путь.

Пока по ровной дорогѣ, несли легко, а по тропѣ, въ ущельи пришлось преодолѣвать неимовѣрныя трудности. Тамъ, гдѣ двое идутъ съ большою опасностью, тамъ неси орудія...

Въ одномъ мѣстѣ, громадный камень, когда-то обрушившійся сверху, преградилъ дорогу, оставивъ узкую щель между собою и отвѣсной стѣною слѣва. Какъ же орудіе? Его подняли выше головъ и пронесли.

Двинулись дальше. И вотъ, тащутъ, тащутъ безъ отдыха, безъ ѣды, напрягая всѣ свои силы. Самъ ротный командиръ безпрестанно помогаетъ.

Дорогою встрѣтили братушекъ (болгаръ), впрягли и ихъ. Веселѣе стало карабкаться. Болгары угощаютъ солдатъ табачкомъ.

Наступила ночь и все собою закрыла...

Отъ генерала Курнакова получено вторичное приказаніе,—не отдыхая и ночью нести орудія.

Стали разводить по дорогѣ костры. Костры, треща и пылая, освѣщали нашихъ молодцовъ, тащившихъ съ прибаутками своихъ «матушекъ».

— То-то обрадуются; радость какая будетъ, какъ пальнутъ онѣ, голубушки наши!...—поговаривали солдатики.

Только 23-го, вечеромъ, 5-я рота доставила орудія на перевалъ.

Мигомъ облетѣла эта вѣсть всѣ наши позиціи. И всѣ крестились, радовались...

Орудія тотчасъ были поставлены на высотахъ. И на другой день, раннимъ утромъ, грянули орудійные выстрѣлы съ нашей стороны и заставили озадаченныхъ турокъ, на время, прекратить свою безконечную, тяжелую пальбу...

Начались и пошли, тяжелою чередою, эти тридцать-пять дней въ Балканахъ... Каждый съ молитвою, твердо и бодро, сталъ встрѣчать всѣ невзгоды...

А невзгоды такъ и понеслись.

Рѣзкій, сильный вѣтеръ пронизываетъ до костей, и думая, что дѣло дѣлаетъ, звонко разгуливаетъ по горамъ. Всѣ прячутся отъ него, отъ начавшихся страшныхъ морозахъ... Но не спрятаться...

Твердый, каменистый грунтъ не позволяетъ рыть землянокъ. Живутъ въ палаткахъ. Одежда вся износилась, продырявилась. Обуви нѣтъ. Многіе веревочками подвязали подошвы; у многихъ виднѣлись голые пальцы ногъ... Чѣмъ же и гдѣ укрыться?

За богача сочли бы того, у кого отыскалась бы вторая смѣна бѣлья... Все давно начало чуть не гнить. И въ этой гнили завелись милліоны отвратительныхъ насѣкомыхъ (вшей), отъ которыхъ не отдѣлаться. Этого врага приходилось жарить на кострѣ — такъ и то не поддается, кусается. На огнѣ-то жарь, но жарь осторожно, а то послѣдняя рубаха сгоритъ и придется прямо надѣть заледенѣлый мундиръ.

Согрѣвающихъ напитковъ почти не было, да они и не къ добру въ военное время. Какъ-то разъ провѣдали обозные, что они везутъ спиртъ. Живо прокололи сверху боченковъ дырочки и, сквозь соломинки, понемногу стали пить и скоро охмѣлѣли...

— Куда держишь, вези, вези лѣвѣй! — кричитъ одинъ.

— Нѣтъ, забирай больше вправо! — горланитъ другой.

И забрали... вмѣсто перевала прямо къ туркамъ. Хорошо еще, что съ перевала это замѣтили и спасли во время, и вьюки, и опьянѣвшихъ обозныхъ...

Зачастую снѣгомъ засыпало всѣ тропы и дороги. Прекращался подвозъ провіанта, пригонъ кое-какого скота. Приходилось дрожать не только отъ холода, но и отъ голода... Надо было однодневную дачу сухарей протянуть два, три дня... Между тѣмъ, сухари были единственною пищею для всѣхъ. Ихъ опускали въ талую изъ снѣга воду, посыпали солью, иногда клали кусокъ говядины, или баранины, и дѣлали похлебку. Правда, не всегда и такой обѣдъ обходился дешево. Залетитъ непріятельская граната—и не пообѣдаешь вовсе! Такой случай былъ съ подпоручикомъ Томашевичемъ: граната попала въ котелъ, но вреда никому не причинила, только похлебку не оставила, сама ее съѣла.

Да, съ тѣми вѣтрами, вьюгами и морозами, съ которыми выпало на долю бороться Гренадерамъ — трудно сладить. Лютыми врагами стали солдаты, да балканскіе морозы съ вьюгой. Никогда другъ друга не забудутъ.

Повалитъ снѣгъ. Поднимется вѣтеръ, зашумитъ въ горахъ, загуляетъ и понесетъ сугробъ за сугробомъ; сначала понемногу, потомъ больше и начнетъ заносить. Все прячется—и человѣкъ, и звѣрь.

Такая страшная мятель поднялась 16-го декабря, въ 5 часовъ вечера, и продолжалась тридцать-шесть

часовъ. Снесены съ перевала всѣ палатки. Снѣгъ началъ засыпать тѣхъ, кто прилегъ отдохнуть. Засни подъ снѣгомъ и не проснешься никогда. Будили другъ друга; не давали спать. Объ огнѣ никто и не думалъ; его не развести... Командиръ полка послалъ, исполнявшаго должность полковаго адъютанта, штабсъ-капитана Павловскаго съ приказаніемъ: «разрѣшить людямъ спускаться по ту сторону горъ, къ деревнямъ Клиссакіой и Челопечени» (въ это время онѣ были уже въ нашихъ рукахъ). Штабсъ-капитанъ Павловскій вышелъ изъ землянки командира полка и черезъ пять минутъ былъ внесенъ обратно; едва его могли оттерѣть; чучь-чуть не замерзъ...

Командиры баталіоновъ, предугадавъ волю командира полка, сами распорядились. И вотъ, потянулись другъ за дружкой солдатики. Зги Божьей не видно. Два шага въ сторону—и провалишься, замерзнешь. Въ деревняхъ заберутся въ хату, дышатъ другъ на друга, грѣются, и хорошо здѣсь. Бѣда, если кто, дорогою, отстанетъ, заблудится. Такъ погибло семеро; ихъ сорвало въ ущелье и они замерзли. Нѣсколькихъ человѣкъ, вьюгою, сбросило прямо къ туркамъ; изъ нихъ только одинъ успѣлъ уйти, остальные попались въ плѣнъ.

— Стою я на часахъ. Морозъ—страсть. Вьюгою, кажись, и домъ повалитъ. Закоченѣлъ весь — тутъ-то меня и сшибло. Кубаремъ подъ гору. Внизу будто и теплѣе. Только свалился я къ турецкимъ часовымъ. Они—стрѣлять; я отъ нихъ въ горы, на утекъ. Ну, и пришелъ, — разсказывалъ потомъ товарищамъ спасшійся.

Та же вьюга чуть не похоронила командира 2-го баталіона, капитана Засулича и трехъ офицеровъ: подпоручика Путилова 1-го, Короткаго и Корейво. Они, вчетверомъ, въ своемъ шалашѣ на верху одной изъ горъ, заснули и были занесены снѣгомъ. Спасъ ихъ деньщикъ подпоручика Путилова, Иванъ Дадей. Дадей спускался нѣсколько разъ подъ гору, рубилъ тесакомъ сучья и втаскивалъ ихъ въ шалаши, гдѣ и разводилъ костеръ. Въ одно изъ такихъ путешествій, Дадей едва могъ откопать своихъ господъ и разбудить ихъ. Въ ту же ночь, онъ отморозилъ себѣ обѣ ноги и вскорѣ ихъ лишился. За эти труды свои, Дадей получилъ серебряный Георгіевскій крестъ.

А дни проходятъ...

Кромѣ отмораживаній, начались разныя болѣзни. А тутъ еще и турки съ своими пулями.

И вотъ, сначала рѣдко, потомъ все чаще и чаще, по этропольской дорогѣ можно было встрѣчать тихо двигающихся больныхъ и раненыхъ. Всѣхъ ихъ посылаютъ въ городъ, въ госпиталь. Тяжело больныхъ несутъ на носилкахъ.

«Эхъ! жаль оставить товарищей въ работѣ съ этою погодищею... А тутъ еще и турка!»—И тихая, братская слеза, впервые катится съ добраго честнаго лица.

21-го числа отрядъ спустился по ту сторону горъ.

А страшная борьба съ природою стоила полку 1,050 человѣкъ, изъ которыхъ 20 человѣкъ замерзло, 220 отморозило себѣ члены, а остальные 810 человѣкъ заболѣли разными простудными болѣзнями.

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

имѣетъ цѣлью содѣйствовать **умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.**

Журналъ **«Чтеніе для Солдатъ»** рекомендованъ войскамъ бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ **при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 г., за № 343.**

Цѣна за годовое изданіе журнала **„Чтеніе для Солдатъ“** (12 выпусковъ), съ пересылкою **четыре** рубля.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЧТЕНІЕ для НАРОДА“

имѣетъ цѣлью содѣйствовать **первоначальному самообразованію, основанному на нравственныхъ началахъ и религіозныхъ истинахъ Православной Вѣры.**

Цѣна за годовое (12 книжекъ) изданіе журнала **„Чтеніе для Народа“** съ пересылкою **четыре** рубля.

Требованія на оба вышеозначенные журнала слѣдуетъ посылать **исключительно** *въ Редакцію сихъ журналовъ*, находящуюся въ С.-Петербургѣ. Адресъ почтамту извѣстенъ.

Лейбъ-Гренадеры на Златицкомъ перевалѣ. — Цѣна 8 к.